

(Текст выступления на ученом Совете 22.12.89, кото-
рый не был произнесен, т.к. автору не дали слово)

Уважаемые члены ученого Совета !

Два слова о том, кто я и почему выступаю здесь. Я окончил мехмат, аспирантуру и после этого уже 18 лет работаю школьным учителем математики. Около 50 моих учеников учатся или уже окончили мехмат, около 20 были приняты в аспирантуру, 7 из них уже защитились. Двое из моих учеников побеждали на международных олимпиадах по математике для школьников, 10 становились победителями всесоюзных олимпиад. В связи с этим, мне кажется, что уважаемым членам ученого Совета может быть интересен взгляд на обсуждаемые вопросы, что называется, с другой стороны.

Здесь обсуждались острые вопросы: каким быть вступительным экзаменам, как проводить их объективно, с наибольшей пользой для факультета. В процессе этого обсуждения четко определились две противоположные позиции.

1) Предложения деканата и приемной комиссии факультета:

Если абитуриент за два экзамена по математике (письменно и устно) набирает 9 или 10 баллов, то он зачисляется на факультет; если нет, то он сдает физику устно и пишет сочинение без отметки.

2) Предложение председателя общественной комиссии по анализу эффективности вступительных экзаменов профессора Тихомирова В.М.:

Отменить все устные экзамены и ввести два письменных экзамена по математике, проводимых по многобалльной системе (плюс сочинение без отметки).

В защиту обоих вариантов приводились различные более или менее убедительные доводы, ссылки на зарубежный опыт, на традиции мехмата, раздавались призывы провести научное исследование, которое позволило бы объективно указать истину, и прочее, прочее, прочее. В чем дело? Почему такой, на первый взгляд, несущественный вопрос, ну будет физика, ну не будет физики, устный экзамен или письменный, вызвал такой жаркий пятичасовой спор, временами выходящий за парламентские рамки?

А дело в том, что обе стороны, извините, говорят друг с другом Эзоповым языком. Думают одно, а вслух произносят совсем другое. В тяжелом положении оказались здесь студенты - члены Совета. Для них все происходящее должно слегка походить на театр абсурда. Какой-то абитуриент при поступлении указал в анкете неправильное отчество отца, но вовремя был уличен бдительным членом приемной комиссии. А потом этот абитуриент, победитель московской олимпиады по физике, получает два балла на экзамене по физике. И почему так смутился сейчас этот бдительный товарищ, когда ему здесь на Совете напомнили об этом эпизоде? Кстати, тот абитуриент нынче успешно занимается наукой в Гарварде. О каких пяти абитуриентах, не принятых на мехмат в этом году, не называя фамилий, все время упоминает другой уважаемый оратор? Почему третий член Совета, говоря об одной из известных московских математических школ, 34 выпускника которой в этом году поступили на мехмат, все время намекает на то, что сей факт можно объяснить только тем, что в этой школе только тем и занимаются, что очень хорошо репетиторствуют. И только благодаря этому у школы такие успехи. Но тогда возникает законный вопрос, а чем занимаются в интернате #18, 80 выпускников которого стали студентами мехмата? И вообще, кто это такой, натасканный абитуриент? Это что ли тот, кому дал задачу - решил, дал вторую - решил, дал третью - тоже решил? А кто тогда этот немного загадочный талантливый деревенский мальчик, о котором так много говорят здесь на Совете? И как понимать такие слова автора очень известного пособия: "К экзамену по математике я могу любого натаскать, а вот физика - это да! К ней не натаскаешь. Поэтому давай экзамен по физике."? Как видите вопросов много.

Так в чем же дело? За что так схватились между собой уважаемые ученые? Ответ на этот вопрос, с моей точки зрения, очень прост. Здесь на Совете столкнулись между собой две жизненные позиции. Первая: Еврейская мафия захватила факультет, душит талантливых русских математиков, рвется к распределению всех благ. Необходимо сделать все, чтобы всеми возможными и невозможными способами остановить ее. Как это сделать? Не принимать евреев на мехмат, а если уж они попали туда, не оставлять их в аспирантуре, в крайнем случае проваливать их на защите диссертаций; и ни в каком случае, ни под каким предлогом не оставлять их работать на факультете. И не только евреев, а всех математиков, не разделяющих эти взгляды.

Представители другой позиции считают, что антисемитизм это одна из самых неприглядных человеческих черт, что это разновидность расизма, что он "бесчеловечен, отрицает достоинство человека, отрицает ценность человеческой личности и допускает обращение с ней как с врагом, подлежащим истреблению". (Николай Бердяев. Христианство и антисемитизм. Огонек, #46, 1989 г.)

Теперь, когда все точки над "i" поставлены, легко понять суть спора. Начиная с 70-х годов на мехмат перестали брать не только абитуриентов, в графе "национальность" которых было указано "еврей", но и тех в крови которых текла 1/2, 1/4 и даже 1/8 часть еврейской крови. Была создана специальная служба, которая занималась этим вопросом, выращены профессионалы, способные, не глядя ни в какие документы, определить эту цифру с точностью до одной десятой. Лучшим полем деятельности для решения "еврейского вопроса" оказались устные экзамены и сочинение. Полная безнаказанность, отсутствие какого-либо внешнего контроля и какой-либо минимальной гласности позволяли любому абитуриенту поставить любую наперед заданную оценку. Для приема устных экзаменов у "нечистокровных арийцев" отводились специальные аудитории, экзамен принимали особо доверенные преподаватели. Злоупотребления на экзаменах достигали катастрофических размеров. Особенно в этом плане был страшен и неотвратим устный экзамен по физике, который проводила кафедра общей физики физфака МГУ.

Сколько человеческих судеб было сломано, сколько раздавленных человеческих достоинств за эти 18-19 лет! Сколько талантливых математиков потеряла советская наука! Кто ответит теперь за это? Уж не присутствующие ли здесь сторонники первой позиции, многие из которых принимали личное участие в этих моральных "расстрелах" еврейских школьников? А кто ответит за то, что факультет, бывший когда-то одним из лучших математических факультетов мира, скатился на самый заурядный уровень и приобрел при этом репутацию черносотенной организации? Уж не нынешний ли декан факультета?

В этом году обстановка на вступительных экзаменах изменилась к лучшему. Ветер перестройки затронул и мехмат. На факультет были приняты 23 еврея, что больше чем за все предыдущие годы застоя вместе взятые. Что же заставило изменить своим принципам руководство факультета? Не жалобы в министерство, в ЦК или горком партии, а одно простое русское слово - гласность. Ситуация с приемными экзаменами на мехмате стала столь одиозна, а последствия этого столь печальны для математики, что этим вопросом заинтересовались в Верховном Совете. Он обсуждался в Комитете по делам науки, образования и культуры. Московское общество ученых на одном из своих заседаний также рассматривало этот вопрос. Пришлось срочно перестраиваться. Да и сверху в этом году никакого соответствующего указания не поступало.

Но как же все-таки трудно изменять своим принципам! И этим летом это удалось не всем.

Студенты 103-й группы! Знаете ли вы, что ваш молодой и симпатичный преподаватель математического анализа т. ПОДОЛЬСКИЙ (совместно с аспирантом кафедры дискретной математики т. АЛИСЕЙЧИКОМ) поставил тройку за устный экзамен по математике абитуриенту Чечельницкому Михаилу, который за письменную работу имел шесть чистых плюсов из шести (таких было всего три работы из 1500), поставил 4 абитуриенту Заку Михаилу, предложив ему в качестве дополнительной задачи так называемый "гроб"?

фактически неверно.

Ученики 18-го интерната! Известно ли вам, что скоро в интернат придет новый молодой преподаватель КОЗЛОВ К. Л., бывший выпускник 179-й московской школы, бывший комсомольский секретарь, а ныне сотрудник кафедры общей топологии. Он будет сеять у вас доброе и вечное, а пока он (вместе с КРЫЛОВЫМ Е. С.) предложил абитуриенту Якубсону Игорю на устном экзамене дополнительную задачу с 16-й Всесоюзной математической олимпиады, а у абитуриента Вайсмана Григория заинтересовался определением окружности, и за абсолютно точный ответ поставил знак минус со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Т. ПОДОЛЬСКИЙ объясняет все происшедшее тем, что он строгий экзаменатор. Однако на предложение попросить членов комиссии просмотреть все протоколы экзаменов, которые он принимал, чтобы убедиться в том, всегда ли он был так строг или нет, Т. ПОДОЛЬСКИЙ ответил решительным отказом.

А что же Т. КОЗЛОВ К. Л.? Т. КОЗЛОВ К. Л. оказался очень послушным. Правда к евреям он относится терпимо. Два года терпел он своего школьного учителя математики, хорошего учителя, говорят, одного из лучших в городе, но еврея. Но Т. КОЗЛОВ К. Л. терпел. И ни разу за два года ни жидом педагога не обозвал и не потребовал от него, мол "ехай к себе". Даже совсем наоборот. Спасибо на выпускном вечере говорил и цветы вручал. Вот таков Т. КОЗЛОВ К. Л. терпеливый, но очень послушный. Вызвали его старшие товарищи-дяди и объяснили ему, что не нужны евреи мехмату. То ли нос у них не такой, то ли пахнет от них плохо, то ли еще что-то. В общем политика сейчас такая. Но разве мог он, бывший комсомольский секретарь факультета, послушаться своих старших товарищей? Да и попробуй ослушайся!

Такие вот молодые экзаменаторы на мехмате. Один строгий, другой послушный. А попросту говоря, оба отмечены печатью неприкрытого антисемитизма. Так же как и их напарники, - АЛИСЕИЧИК и КРЫЛОВ Е. С. Достоинство или недостаток сие свойство личности, гордиться этим или же глубоко прятать - пусть решают сами эти товарищи, их коллеги, а также студенты и школьники, которых они учат или собираются учить. Но все-таки интересно, как относится к таким вещам партийная организация факультета? Ставился ли хоть раз на обсуждение такой, например, вопрос: "О проявлении антисемитизма при вступительных экзаменах на факультете и как это соотносится с политикой партии по национальному вопросу на современном этапе."? Ведь среди приверженцев борьбы с "еврейской мафией" немало членов партии.

Уважаемые студенты, члены Совета! Теперь, я надеюсь, вам стало ясно, кто есть кто и о чем здесь шел такой яростный спор. Вы увидели, какое страшное и трудное это слово "гласность". Недаром здесь на Совете раздавались высказывания ваших старших коллег, членов Совета, о том, что они не понимают слов "полная гласность и как это может быть"? Недаром руководство факультета только после двухнедельных упорных переговоров согласилось выдать им же созданной из преподавателей мехмата общественной комиссии по анализу эффективности вступительных экзаменов малую толику просимых комиссией протоколов экзаменов, да и то в совершенно обезличенном виде. (Заклеены фамилии экзаменаторов, абитуриентов, номера личных дел.) Что и от кого так прячут деканат и приемная комиссия факультета? И не видят они того, что хорошо известная поза страха приобретает уже просто трагикомические черты.

Уважаемые студенты! Вам предстоит сделать выбор. Это не просто. Но вы должны четко понимать, что если на мехмате основополагающими критериями не станут желание и возможность заниматься математикой, а не цвет кожи, национальность, происхождение или еще какие-то анкетные данные, то факультет всегда будет влачить жалкое существование. В ваших руках судьба факультета, судьба советской математики.

Уважаемые члены Совета! Я предлагаю вам принять текст следующего постановления:

"Ученый совет механико-математического факультета Московского государственного Университета признает, что в 1970-1989 годах на факультете, и в частности на вступительных экзаменах, неоднократно имели место злоупотребления, связанные с антисемитизмом. Ученый Совет считает эти случаи несовместимыми с понятиями советского ученого и русского интеллигента и решительно осуждает их."

Прошу поставить это постановление на голосование.

22.12.89 - 29.12.89

Давидович Б. М.